щине, которая рождена гораздо чувствительнее и мягкосердечнее», чем мужчина.[7]

Основным критерием ценности художественного произведения, который выдвигается в статье, является соответствие жизненной правде.

Таким образом, уже в первый год изучаемого десятилетия мы встречаемся с критикой направления, которое займет вскоре господствующее положение в литературе.

В следующие годы нападки на сентиментализм со стороны его противников продолжались.

В 1791 г., т. е. тогда, когда Карамзин только что стал издавать «Московский журнал», тот же Н. Страхов напечатал в «Сатирическом вестнике» «способ» «как скоро и вовсе не учась» сочинить роман. «Способ» этот по образцу «рецептов», известных еще по сатирическим журналам Новикова, открыто обращен против сентиментальных писателей: «Возми 175 увы, 200 ах, 4 пуда вздохов, 7 ведр слез, от 20 до 30 кинжалов и несколько бутылок яду, которым могли бы опиваться герои сочиняемого романа. Сие сочинение раздели на части, дай оному чувствительное и трогательное название, подпиши свое имя и отвези в типографию».[8]

Сентиментально-идиллическое изображение действительности неоднократно становится объектом сатиры и в произведениях И. А. Крылова 90-х годов.

В 1792 г. в своих сатирических «Ночах» Крылов выступает против неправдоподобности, неискренности, надуманности сентиментальной литературы.[9] Борьба с идеализацией в литературе, с изображением вместо реальных крестьян и крестьянок — условно-пасторальных «милых» и «любезных» пастушков и пастушек, резвящихся на цветочных лугах и распевающих любовные песни, находит свое место и в сатирической сказке Крылова «Каиб», тоже напечатанной в 1792 г.[10]

Аналогичную характеристику подобной разновидности сентиментальной литературы мы встречаем и в «Похвальной речи Ермалафиду, говоренной в собрании молодых писателей», появив-

---

[7] См., например: «Я простерся пред свидетелем дел человечества и, проливая радостные слезы, воссылал в безмолвии усердные к творцу миров молитвы» (Н. Эмин. Роза, полусправедливая, оригинальная повесть, стр. 12); «Я иду смело противу твердых нравов, приписывающих плач слабости, — говорит герой романа Милон, защищая слезы; — увидя погибающего, кто прольет на скорбь его лестную сию отраду, — тот, имея способы, конечно первый устремится облегчить его участь» (там же, стр. 29); «Божественная Роза, читая Юнга, утопала в слезах» (там же, стр. 113); см. также исповедь героя другого романа Н. Эмина — «Игра судьбы» — Всемила, принципиально защищающего слезливые романы (СПб., 1789, стр. 6).

[8] «Сатирический вестник», 1791, ч. VII, стр. 63—65.

[9] «Зритель», 1792, ч. I, стр. 231—232.

[10] Там же, ч. IV, стр. 288—290.